

Он стоял у тополя над суходолом, разделяющим Мало-Кирсановку надвое. Слева — центральная усадьба, дворы погуще, справа — поредевшие ряды околицы. Где-то там и старый отцовский курень. Правда, бати давно нет. Еще в восемнадцатом умер от тифа. Уже и матери нет. А дом стоит.

Человеку хотелось побыстрее подойти к родительскому дому, но что-то удерживало его здесь, на юру. Наверное, старые дороги. А их много. Всю округу ископосовали. Словно на бортовой карте, с которой он не расставался тридцать лет. Или будто это полосы на ладони — во все стороны разбежались. Но он знает, куда они бегут. Вот эта, прямо перед ним, устремилась на Федоровку, а дальше — к Азовскому морю, к Буденновской косе. Та, левее, ведет на Миус, в Таганрог. Он хорошо знает эту дорогу. Пешком исходил, на попутных подводах извездил.

В тридцать третьем году он вышел на этот трант, десяток верст отмахал пешком, и лишь у Николаевки нагнала его подвода, подвезла до Таганрога. Там, в городе, он учился в фабрично-заводском училище, стал слесарем. Потом работал и учился на рабфаке.

А вот эта дорога, уходящая на Матвеев-Курган, привела его в Сталинград. Там он стал военным летчиком. И сейчас он, кажется, слышит веселый треск моторов «ПО-2», чует приправленные бензином запахи аэродромной пыли. А может, это ветер Задоня донес луговой настой медуницы?...

— День добрый, служивый!

Он обернулся и увидел перед собой старичка. Скосив сивую бровь, старик пристально глядел на стоящего под тополем путника.

— Кирсановский, никак, а вот ней, затрудняюсь...

— Кирсановский, дедушка. Кутахов, Павел.

— А-а... Степана, стало быть, сын?

Старик помолчал и кивнул на тонущую в мареве Кирсановку.

— Тянет к куреню?

— Тянет.

— Это хорошо, что тянет.

Старик, поговорив, ушел, а приезжий все стоял на взлобье, у суходола, и вспоминал...

В предвоенный год ему было всего двадцать шесть. Он приехал в Мало-Кирсановку командиром звена истребителей, с тремя кубиками в петлицах. Пришел в школу, сел за парту. Учителя и школьники расспрашивали об авиации. Потом сажали деревья. Он посадил вот этот тополь...

Война застала его под Выборгом. Первый боевой вылет — на барражирование. Отогнал со своей эскадрильей рвавшиеся к городу «юнкерсы». Одного сбили.

Тем же летом перелетел на север. Вот закроет глаза и видит перед собой колющее пламя воды. Это пылает Баренцево море. Летом незакатное солнце работает в три смены. И людям велит работать так же. Не знала эскадрилья Кутахова покоя все двадцать четыре часа полярных суток. По четыре, пять, шесть и более вылетов — сколько духу хватало. Спали в самолетах. Со сном помогало бороться солнце, светило летчикам напропалую.

23 июля сорок первого года авиационный штаб получил запрос: немецкая артиллерия доминирует наши войска у среднего водопада Западной Лицы. Огонь корректирует авиация. Нельзя ли снять корректировщика? «Снимем», — пообещал штаб.

На поиск корректировщика послали майора Кутахова. Павел облетел все побережье, по-

ка не обнаружил «Хе-126». Немецкие зенитчики пытались отсечь Кутахова от «хейнкеля», но майор не отставал от корректировщика до тех пор, пока не свалил его в сопки.

Трудно воевать долгим полярным днем, но еще труднее бесконечной полярной ночью. В декабре солнце завалилось за сопки и не появлялось до февраля. В сопках голосили метели, над всей побережной тундрой белым дымом колыхались снега. Пойди сыщи там цель, попробуй сам не стать целью в ночном небе, когда тебя освещает огонь прожекторов. Сумей атаковать, а потом пробиться домой сквозь штормовые норды и слепые заряды снега. Эскадрилья Кутахова все это смогла, летала по многу раз в сутки.

Вот и сейчас ему чудится огненная карусель январского боя, закипевшего над станцией Боярская. Группа «Ме-110» пыталась разбомбить наш железнодорожный состав с боеприпасами. Кутаховская четверка рассекла строй «мессеров». Долго длился бой. Четыре на четыре. Вначале немцы как будто почувствовали преимущество своих машин с мощным огнем и свирепо бросались в атаку. Два раза выскользнул Кутахов из-под огненного клинка «стодесятого». А, вывернувшись, сам полоснул по фюзеляжу вражеского самолета, и тот задымил. Два «мессершмитта» сбили тогда наши летчики.

А потом комэск Кутахов повел шестерку на штурмовку аэродрома. Взлетели немецкие истребители. Но шестерка нанесла удар по стоянке. Десять самолетов вспыхнуло на фашистском аэродроме.

...Павел Степанович Кутахов снимает фуражку, трет крутой

ИЗ МАЛО-КИРСАНОВКИ

люб, сбивает назад поредевшие волосы. Неспешно спускается по тропке к улице своего детства. Навстречу идет женщина с коромыслом через плечо. Ведра полные, хлюпает вода. «К счастью». А в чем оно, его счастье? В том, что отвоевал, остался жив и вот со звездой Героя Советского Союза возвращается в Кирсановку? Может, и в этом... Звание Героя ему присвоили первого мая сорок третьего года. К тому времени он провел сорок воздушных боев, сбил лично семь и в группе — двадцать четыре самолета противника. А вот счет эскадрильи: пятьдесят девять «мессеров» и «юнкерсов».

Потом его назначили командиром полка. Он водил уже и другие эскадрильи.

Потери были редкими. Это, конечно, ставилось в заслугу командру, а затем комполка Павлу Кутахову. Вот выписка из давних донесений: «Повел четверку на перехват. Над линией фронта — 20 «Me-110» и «Me-109». Наша четверка сбита три «Me-109». Один сбил Кутахов. Вернулись без потерь». «На высоте 5 тыс. м. звено вело бой с шестью «Me-109», сбили два. Один — Кутахов. Все вернулись на базу». «Группа в составе шести самолетов встретила 12 «стодевятых» и 8 «стодесятых». Сбито 4 «мессершмитта». Потерь не имели»...

В сухую сдержанность политических донесений врываются поэтические строки:

Вновь команда —
и вновь без страха,
В синь небес устремляя
взгляд,

Истребитель Павел

Кутахов

В бой ведет своих соколят... Сотни фашистских самолетов уничтожил кутаховский полк. В заполярье враг ни на метр не сдвинул нашего пограничного рубежа. В этом была заслуга и кутаховского гвардейского полка.

Сам командир завершил войну со внушительным счетом: 14 сбитых лично и 28 — в группе. 497 боевых вылетов, 79 воздушных боев... Эти бои он помнит до сих пор. Время не сотрет давних картин.

И почему-то каждый раз, всматриваясь в нестареющие кадры прошлого, он видит прежде всего ведомых. Со многими он летал, и каждому обязан жизнью. Гайдаенко, Фомченков, Ибрагимов, Шкарупа, Алексеенко, ставший дважды Героем. Давно расстался с ними, но всю жизнь будет чувствовать их рядом с собой...

Вот и родительский порог. Встретила жена брата. В доме пахнет чабрецом, со стены глядят фотографии братьев — Герасима, Павла, Василия, Ивана. Самый старший, Герасим, был сапером. Не вернулся, схоронен у Балтийского моря... Другие тоже воевали...

Не успел Павел Степанович смахнуть дорожную пыль с сапог, как в хату нагрянули соседи, учителя, школьники. Увели в школу. Там ему повязали пионерский галстук, приняли в почетные пионеры. До вечерней звезды слушали его рассказы о войне, о его солдатской дороге.

Правда о себе все не рассказешь. Разве передашь, как после войны вновь взялся за

военную науку в академии Генерального штаба. А потом снова полки, аэродромы, полеты на сверхзвуковых истребителях. Учился сам, учил других. Одним из первых ему присвоили звание заслуженного военного летчика СССР. Его избрали депутатом Верховного Совета республики, он был делегатом XXII партийного съезда.

...Ранним утром уезжал Павел Степанович из Мало-Кирсановки. Вновь стоял у тополя, вновь глядел на тонущее в утреннем мареве село, на дороги. И думалось ему, что именно эта земля, земля его Родины, была для него ладонью, поднявшей его на высоту.

Когда-то еще здесь, в школе, он пристрастился к военным книгам. Он любил военную историю, любил читать о Суворове, Кутузове, зачитывался Фурмановым, знал все о Фрунзе, Чапаеве, о своем земляке Буденном, о первых советских летчиках. С годами сам многое постиг, осмыслил, изложил в статьях. Но учеба не кончилась. И наверное никогда не кончится. Он по-прежнему учится сам, учит других. Его назначили Главнокомандующим Военно-Воздушными Силами страны, присвоили звание маршала авиации.

Он стоял над мало-кирсановским суходолом и жадно вдыхал загустевшие за ночь запахи разнотравья. Может, это ветры Задонья принесли луговой настой медуницы? А маршалу видится трава аэродрома, слышится грохот турбин...

И КОТЫШ.